

Пьеръ:—«къ чему же эта дуэль? Уйти отсюда, бѣжать»,—приходило ему въ голову, но, разсуждая такимъ образомъ, Пьеръ спокойно спрашивалъ секундантовъ: «Что, скоро? Готово? Можно начинать?» Не умѣя стрѣлять, онъ разспрашивалъ, какъ спускать курокъ и т. д. Послѣ предложенія секундантовъ стрѣлять Пьеръ, мѣтясь, больше всего боялся застрѣлить себя. Никакихъ враждебныхъ чувствъ онъ уже не питалъ къ Долохову. Послѣ выстрѣла, который ранилъ противника, Пьеръ съ рыданіемъ подбѣжалъ къ Долохову. Но послѣдній крикнулъ: «къ барьеру!» и Пьеръ въ 10 шагахъ отъ него остановился. Съ растерянной улыбкой, Пьеръ, безъ прикрытія, ожидалъ выстрѣла и когда его противникъ промахнулся, схватился за голову и, бормоча: «Глупо!... Смерть... Ложь», ушелъ въ лѣсъ.

По возвращеніи съ дуэли жена пришла дѣлать ему выговоръ за нее. Циничность этой женщины убила Пьера. Онъ молча глядѣлъ на свою жену, и, когда наглость ея дошла уже до апогея, порока отца сказалась въ немъ. Схвативъ мраморную доску со стола, онъ замахнулся на нее. И Богъ знаетъ, что сдѣлалъ бы Пьеръ, если бы Эллень въ-время не убѣжала отъ него. Пьеръ разстался съ женой и отдалъ ей половину своего состоянія.

Снова философскія мечтанія—исканіе глубокаго смысла жизни, смерти, желаніе понять, какая сила управляетъ міромъ—завладѣли имъ.

Онъ не находилъ отвѣта на подобные вопросы, кромѣ развѣ одного: умрешь—все кончится, умрешь—все узнаешь или, по крайней мѣрѣ, перестанешь спрашивать. Но смерть пугала Пьера.

Неизвѣстно, чѣмъ бы разрѣшилось душевное и